

В. Т. Титов

**КВАНТИТАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧАСТЕЙ РЕЧИ
В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ.
ЧАСТЬ I**

**Существительные, прилагательные,
глаголы, наречия**

Данное исследование выполнено в рамках *системной лингвистики*, приоритет в разработке которого принадлежит отечественному языкознанию (И. И. Срезневский, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, Ю. С. Степанов, Г. А. Климов, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, В. К. Журавлев, А. И. Кузнецова, Г. П. Мельников, Л. Г. Зубкова, А. А. Поликарпов и др.).

Системная лингвистика относится к категории “синтезирующих”, в которых диалектически снимаются антиномии, представленные в теории языка. Конкретно данное исследование посвящено диалектическому разрешению антиномии “количественный — качественный аспект лингвистического исследования”, которая была сформулирована во второй половине XX в. и приняла форму противопоставления “традиционной” (т.е. качественной) лингвистики “квантитативной” (количественной) лингвистике. Пик увлечения количественными методами исследования пришелся на 1950—1960-е гг. В результате этого увлечения сформировались “квантитативная лингвистика” как раздел общего языкознания и “лексикостатистика” как раздел квантитативной лингвистики, посвященный исследованию количественных закономерностей лексического уровня языка. Именно во второй половине XX в. была создана большая часть всех частотных словарей. Но затем интерес к количественному аспекту языка стал ослабевать, поскольку, получив ценой немалых усилий количественные данные, например в виде частотных словарей, лингвисты не очень ясно себе представляли, что с ними делать дальше.

Если в пылу полемики “качественную” лингвистику называли “приблизительной”, “неточной”, а то и вовсе незрелой в научном отношении, то “количественная” лингвистика, обладая по форме всеми атрибутами точного научного знания, нередко

В. Т. Титов. Квантитативная характеристика частей речи в романских языках оказывалась беспредметной и бессодержательной с собственно лингвистической точки зрения.

Наше исследование ориентировано на диалектическое (теоретическое и практическое) преодоление этой антиномии посредством ее синтеза на *материале лексики шести романских языков: латинского, итальянского, испанского, португальского, французского и румынского.*

Поскольку лексика является наиболее динамичной подсистемой языка в наибольшей степени зависящей от экстралингвистических факторов, синтезирующая сила реализуемого подхода не ограничивается антиномией “количество—качество”, но затрагивает и антиномии “внутренняя лингвистика — внешняя лингвистика” (Ф. де Соссюр) и “лингвистика — не лингвистика”, в чем также можно видеть знамение времени, характеризуемого стремлением к синтезу наук и развитию пограничных или, как их еще называют, “стыковых” научных направлений.

Рассмотрим количественную представленность различных частей речи в романских языках, (табл. 1 и 2).

Т а б л и ц а 1

Части речи	Романские языки, кол-во					
	лат.	итал.	исп.	порт.	франц.	рум.
Существит.	3458	6732	6345	5163	5230	4571
Глаголы	2372	2605	2225	1738	2015	1262
Прилагат.	1500	2385	2371	2013	1909	992
Наречия	498	248	55	119	117	245
Местоим.	152	56	14	43	44	79
Числит.	85	41	—	59	—	37
Союзы	43	39	4	26	18	12
Межд.	23	28	11	13	12	12
Предлоги	21	37	11	27	28	20
Частицы	9	—	—	—	2	18
Артикли	—	4	—	—	6	2
Неопред.	1	246	339	401	0	0
Опред.	8161	12175	11036	9201	9381	7250
Всего:	8162	12421	11375	9602	9381	7250

Части речи	Романские языки, %					
	лат.	итал.	исп.	порт.	франц.	рум.
Существит.	42,37	54,20	55,78	53,77	55,75	63,05
Глаголы	29,06	20,97	19,56	18,10	21,48	17,41
Прилагат.	18,38	19,20	20,84	20,96	20,35	13,68
Наречия	6,10	2,00	0,48	1,24	1,25	3,38
Местоим.	1,86	0,45	0,12	0,45	0,47	1,09
Числит.	1,04	0,33	0,00	0,61	0,00	0,51
Союзы	0,53	0,31	0,04	0,27	0,19	0,17
Межд.	0,28	0,23	0,10	0,14	0,13	0,17
Предлоги	0,26	0,30	0,10	0,28	0,30	0,28
Частицы	0,11	0,00	0,00	0,00	0,02	0,25
Артикли	0,00	0,03	0,00	0,00	0,06	0,03
Неопред.	0,01	1,98	2,98	4,18	0,00	0,00

Объяснения требует трока “неопред.”, содержащая слова, часть речи которых не определена. Проблема “слов вне частей речи” не нова, о ней, в частности, писали Л. В. Щерба¹ и В. Г. Гак². При фронтальном обследовании словаря такие группы слов всегда обнаруживаются. Например, в “Обратном словаре русского языка”, содержащем около 125000 слов, этих слов 228, что составляет 0,19 %³.

При анализе словарей подобная ситуация складывается в двух случаях.

Во-первых, когда в малом двуязычном словаре отсутствует информация о частеречной принадлежности слова. Как следствие она отсутствует и в базе данных. Такие случаи могут быть разрешены приписыванием частеречной принадлежности словам, так сказать, “вручную”. Именно этот способ и был применен к материалу латинского, французского, румынского и — частично — испанского и португальского языков, в которых доля слов с неопределенной частеречной принадлежностью превышала 5 %. В тех случаях, когда избранный пятипроцентный порог существенности не превышался, обращаться к ручной обработке данных не было необходимости.

Во-вторых, в разряд частеречно неопределенных слов попадают леммы, строго говоря, словами не являющиеся. Например, лат. ‘*vidden*’? (*videsne*) “видишь ли? неправда ли?”. Это речение

В. Т. Титов. Квантитативная характеристика частей речи в романских языках является не чем иным, как свернутым вопросительным предложением. Аналогом ему выступает русское “слово” *спасибо!* < *Спаси (тебя) Бог!* или английское *Goodbye!* < *God be with you!*, отнесение которых к словам, по большому научному счету, не корректно, хотя лексикографический практицизм таких решений вполне понятен.

А теперь обратимся к квантитативному анализу важнейших частей речи — существительных, глаголов, прилагательных и наречий — в романских языках (рис. 1).

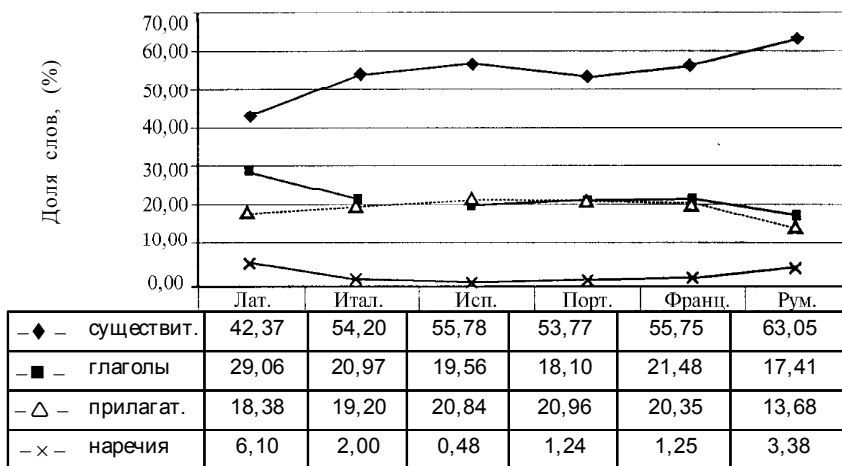

Рис. 1. Доля слов различных частей речи в романских языках

Как видим из рис. 1, доля существительных в романских языках колеблется в интервале 55 ± 8 %. За нижним пределом этого интервала оказывается латинский язык, за верхним — румынский. Остальные романские языки очень компактно представлены в интервале 53—56 %.

При исследовании данного параметра приходилось учитывать особенности лексикографических решений, принятых составителями различных романско-русских словарей. Как правило, карманному двуязычному словарю сопутствует “Список географических названий”, следующий за основным текстом словаря. Именно так это сделано, например, в “Карманном португальско-русском словаре” И. Н. Шалагиной (М., 1987). Естественно, что в электронную базу “Список географических названий” не включался. В “Карманном румынско-русском словаре” Б. А. Андрианова (М., 1964) географические названия даны наряду с

апеллятивами и, как следствие, попали в электронную базу румынского языка. В результате пропорции словаря оказались нарушенными. Для их восстановления потребовалось “вручную” выявить “Список географических названий” и извлечь (вычесть) его из румынски-русского словаря. В результате общее количество слов в румынско-русской электронной базе несколько сократилось (на 187 слов), а пропорции словаря стали сопоставимыми с пропорциями других словарей. Все имена собственные — не только топонимы, но и этнонимы — были исключены и из латинского корпуса данных.

Полученные данные являются прекрасной иллюстрацией к тому, что происходит с морфологией языка при переходе от синтетического (флективного) строя к аналитическому. А именно: уменьшается доля глагольной лексики и возрастает доля имен существительных. Это отличие от латинского языка наблюдается во всех анализируемых современных романских языках.

Оппозиция “синтетический || аналитический язык” коррелирует с оппозициями “меньшая || большая доля существительных” и “большая || меньшая доля глаголов”.

Полученные данные позволяют сделать и еще один принципиально важный вывод: соотношение глаголов и существительных в языке является типологически диагностирующей величиной.

Во-первых, существительные и глаголы находятся в отношении дополнительного распределения, в связи с чем рост одних возможен только за счет других, о чем красноречиво свидетельствует кривая распределения этих величин в романских языках.

Во-вторых, синтетический строй языка предполагает, что доля глаголов составляет около 30 %, а доля существительных превышает ее примерно в полтора раза. Именно такое соотношение наблюдается не только в латинском (29 : 43), но и в русском языке (31 : 46)^{3а}.

Для понимания причин тех или иных пропорций полезно добавить данные русского языка^{3а}: с одной стороны, синтетического (флективного), что сближает его с латинским, а с другой — современного, что сближает его с остальными романскими языками.

Введение данных о русском языке в качестве типологического контроля позволяет убедиться в том, что указанная выше пропорция соотношения существительных и глаголов действительно свойственна флективным языкам и не свойственна аналитическим. Одновременно становится очевидным, что доля имен прилагательных не имеет столь выраженного типологического значе-

В. Т. Титов. Квантитативная характеристика частей речи в романских языках
 ния и неизменно находится на уровне 20 ± 2 % во всех языках, кроме румынского (рис. 2).

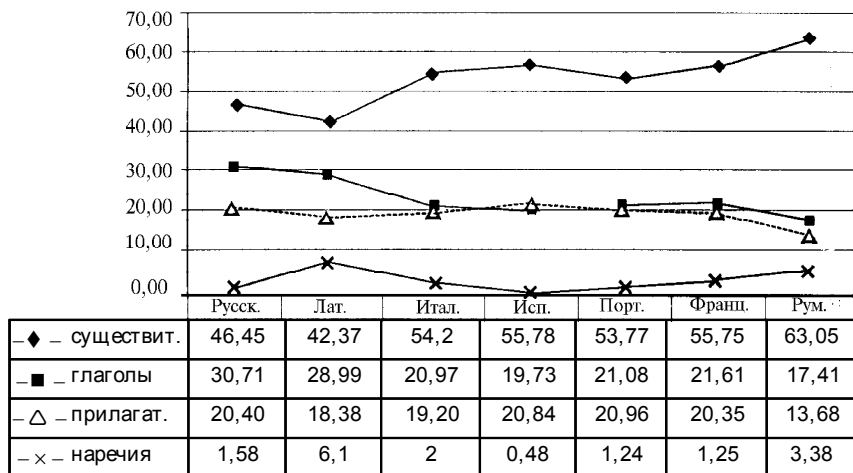

Рис. 2.

На рис. 2 также хорошо видно, что румынский язык принципиально отличается по своим пропорциям не только от русско—латинского, но и от современных западно-романских (так сказать, “материковых”, если иметь в виду характеризуемый пространственной непрерывностью и большой величиной лингвистический материк) языков.

Разрыв в представленности существительных и глаголов мы предлагаем считать мерой аналитичности языков. Соответственно целесообразно ввести Коэффициент аналитичности (КАН), равный частному от деления доли существительных на долю глаголов в словаре данного языка. (КАН не следует путать с “коэффициентом аналитизма” (отношением количества разных слов к количеству разных словоформ в тексте), предложенного Ю. А. Тулдавой⁴ и тем более — с “индексом синтетичности” — отношением числа морфем к числу слов Дж. Гринберга⁵).

Подсчитаем величину КАН для сравниваемых языков (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Вычисление Коэффициента аналитичности для русского и романских языков

Части речи	Языки						
	Лат.	Русск.	Итал.	Франц.	Исп.	Порт.	Рум.
Существит.	42,37	46,45	54,20	55,75	55,78	53,77	63,05
Глаголы	29,06	30,71	20,97	21,48	19,56	18,10	17,41
КАН	1,46	1,51	2,58	2,60	2,85	2,97	3,62

Представим полученные результаты в виде гистограммы (рис. 3).

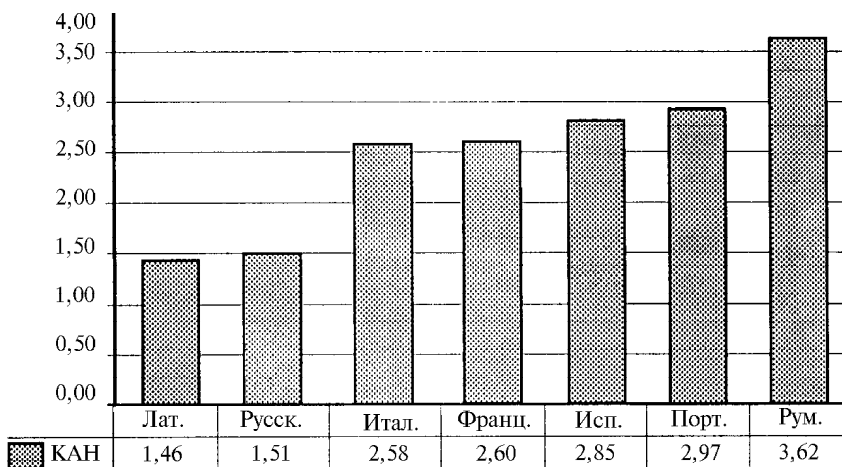

Рис. 3. Коэффициент аналитичности в русском и романских языках

Как можно убедиться, значение КАН в синтетических (флективных) языках — латинском и русском — близко (1,5), тогда как у аналитических языков этот параметр превышает 2,5.

Интересна также группировка романских языков по данному параметру. Как и во многих других случаях, близкими оказываются итальянский — французский, с одной стороны, и испанский—португальский — с другой.

Примечательно, что у иберо-романских языков значения КАИ выше, чем у итальянского—французского. Объяснение этому явлению было предложено еще Р. Раском и Я. Гриммом: "...в языке тогда начинают усиливаться аналитические черты, когда по тем или иным причинам падает уровень преемственности при передаче языкового опыта от поколения к поколению. В наибольшей мере преемственность страдает вследствие бурного смешения народов и культур, требующего выработки общего для всех языка, предельно простого для его освоения. Формирующийся в таких условиях аналитический строй, в предельном своём проявлении, приближается к корнеизоляции"⁶.

Неудивительно, что длительный (почти тысячелетний) контакт с афразийскими языками — в первую очередь с арабским, который пережили иберийские языки и избежали итальянский и французский, не мог не повлечь за собой большую степень аналитичности.

Особняком от остальных романских языков стоит такой представитель восточно-романских языков, как румынский. Величина его КАН превышает 3,5.

Системная типология языков позволяет дать объяснение и этому факту: “И. И. Срезневский обратил внимание на то, что длительное взаимодействие народов, *приводящее к широкому распространению двуязычия или многоязычия* [курсив мой. — В. Т.], делает желательным сохранение или развитие в таких языках только тех черт, которые облегчают процесс перевода с одного языка на другой, и это, хотя и частичное, но всё-таки ограничение на отбор языковых средств, которые желательно передавать последующим поколениям, *также усиливает уровень аналитичности ряда характеристик* языкового строя и приводит к развитию аналитизма, но *особой разновидности* [курсив мой. — В. Т.]⁶.

Именно такая ситуация сложилась на Балканах: “Во II—I тысячелетиях [до н.э. — В.Т.] население большинства районов Балканского полуострова было очень пестрым, и можно предположить, что языки различных племен, населявших полуостров, испытывали взаимное влияние. Возможно, это и было отдаленным началом современной балканской общности.

Однако действительная основа языковой однородности Балканского полуострова создавалась в эпоху греческой колонизации, затем в период македонской экспансии, а позднее — во времена Римской и Византийской империй. Греческий и латинский — языки, обладавшие огромным культурным престижем, — оказывали влияние на местные языки и даже частично замещали их. <...>

На этот полуэллинизированный, полулатинизированный этнический пласт позднее добавились славянские, а затем турецкие населения.

С этого момента начинается активное взаимопроникновение балканских языков, которое особенно усиливается во времена Оттоманской империи. *Двумя-тремя языками владели почти все* [курсив мой — В. Т.].

Исключительно важным и *весьма характерным для населения Балкан был кочевой образ жизни* [курсив мой. — В. Т.], связанный с неизменным перегоном скота на летние пастбища.

Так в течение трех тысячелетий сложилось то замечательное языковое объединение, которое мы называем балканским языковым союзом. Все балканские языки, живые и мертвые, в той или иной мере способствовали созданию этого союза⁷.

Особым типом аналитизма, о котором пишет Г. П. Мельни-

ков, и является языковой союз, возникающий в ситуации двух и многоязычия.

Проблеме языкового союза и конкретно Балканскому языковому союзу посвящена большая литература⁸.

Несмотря на это специфика румынского языка как представителя Балканского языкового союза, кроме указанных причин, обусловлена и еще одним фактором, на который, на наш взгляд, до настоящего времени не обращали достаточного внимания. Это — кочевой образ жизни, важную роль которого в жизни населения Балкан подчеркивает В. Георгиев.

Системная типология языков демонстрирует “связь между внешней детерминантой и функцией языка и далее... переход от своеобразия этой функции к внутренней детерминанте языкового строя, которая истолковывается как специфика коммуникативно-го ракурса показа типичных сюжетов в типичных аспектах с помощью номинативных смыслов типичных для рассматриваемого языкового коллектива высказываний. В качестве характеристик внешней детерминанты выбраны такие особенности языкового коллектива и условий общения в нем, которые наиболее непосредственно сказываются на том, насколько близко мировидение (картина мира) у членов коллектива, относительно каких фрагментов картины мира, т.е. относительно каких поводов, возникает чаще всего дефицит информации у членов коллектива, и в каком именно отношении, в каком аспекте эта информация должна исправлять, преобразовывать такие фрагменты.

К числу таких характеристик языкового коллектива относятся прежде всего его величина (большой или малый), однородность состава (не смешанное или смешанное население); немалую роль играет оседлость — неоседлость носителей языка, а также такой параметр режима общения, как наличие или отсутствие особых ограничений на “межкоммуникационные интервалы”: на интервалы времени между моментами, когда коммуникантам представляется возможность включаться в акты общения...”⁹.

Язык включен в коммуникативную надсистему. Типичные условия общения (внешняя детерминанта) определяют “запрос на систему, способную выполнять для надсистемы определенную функцию”^{9а}. Функция обуславливает форму наличного языкового материала: своеобразие функции ведет к своеобразию внутренней детерминанты языка, которая в конечном счете обуславливает своеобразие языка на всех уровнях — от синтаксического до фонетического.

Внутренняя детерминанта языков, функционирующих в коллективах, ведущих кочевой образ жизни, “должна быть специализирована прежде всего на подчеркивание в образе сюжета тех сторон, которые указывают на новые, результирующие качества и признаки, приобретенные прообразом фрагмента знания слушающего (т.е. субъектом или объектом), при больших временных межкоммуникационных интервалах, т.е. за период длительного отсутствия коммуникативных контактов. Такая внутренняя форма языка как его внутренняя детерминанта названа признаковой (или качественно признаковой)⁹⁶.

“Признаковый коммуникативный ракурс характерен в наибольшей мере для “классических” агглютинативных языков типа урало-алтайских (особенно тюркских)”^{9в}.

Таким образом, регулярные длительные перерывы в коммуникации, связанные с отгонным (кочевым) животноводством населения Балкан не могли не способствовать выработке и упрочению элементов агглютинации в языках Балкан, и в частности в румынском.

Совокупность изложенных факторов и соображений позволяет понять причины, приведшие к существенному отличию Коэффициента аналитичности румынского языка как от иберийско-романских языков (не говоря уже об итальянском и французском), так и от русского.

Относительно доли наречий можно сказать, что она, как и доля прилагательных, не имеет типологического характера. Максимальная доля наречий наблюдается в латинском языке, а данные русского языка не позволяют принять противоположную гипотезу.

В таком случае относительно высокую долю наречий в румынском можно трактовать как сохранение некоторых свойств языка-родителя на периферии романского мира.

Проблема числительных в романских языках

Если местоимения в романских языках выделяют все грамматические традиции, то числительные не выделяет ни одна. В то же время собственно лингвистических оснований выделять местоимение как особую часть речи ничуть не больше, чем выделять числительные. Местоимения точно так же “расходятся” по знаменательным частям речи (существительным, прилагательным, наречиям и даже глаголам), как и числительные.

Между тем в методике картина совсем другая. Все методисты прекрасно знают, что числительные — это нечто отличное от

существительных и прилагательных и им следует обучать особо, выделяя их в самостоятельную тему¹⁰. Носителю обыденного языкового сознания не надо доказывать, что числительные отличны от существительных и прилагательных. Напротив, его надо долго и упорно убеждать, что числительные могут быть приравнены к тем или другим. Если принять во внимание словообразование и синтаксические свойства числительных не только в романских языках, а шире — во всех языках мира, нетрудно заметить, что выделение числительных в особый класс оправдано как методически, так и типологически. Лишь абстрагируясь от того и другого, можно — в особых случаях и для определенных целей — “растворять” числительные в иных частях речи. Вне такой абстракции игнорирование числительных как особого класса слов столь же мало оправдано, как и игнорирование местоимений.

Рассмотрим для примера корпус количественных слов в *латинском языке*.

Кроме традиционных количественных и порядковых числительных в словаре обнаруживаются отсутствующие в грамматиках весьма представительные и регулярные группы слов, которые дают основание говорить о существовании в латинском языке по меньшей мере трех классов числительных, характеризующихся как спецификой формы, так и спецификой синтаксической функции.

Первый из них можно назвать *дистрибутивным*, так как семантика слов определяется формулой “по сколько?”.

1. Дистрибутивные числительные в латинском языке

bini, -ae, -a	2	по два
terni, -ae, -a	3	по три; три, трое
trini, -ae, -a	3	по три; pluralia tantum три
quaterni, -ae,-a	4	по четыре
quini, -ae, -a	5	по пяти
seni, -ae, -a	6	по шести
deni, -ae, -a	10	по десяти; десять; bis deni двадцать
duodeni,-ae,-a	12	по двенадцати
triceni, -ae, -a	13	по тридцати
viceni, -ae, -a	20	по двадцати
sexageni, -ae, -a	60	по шестидесяти
treceni, -ae, -a	300	по триста
quadringeni, -ae, -a	400	по четыреста
quingeni, -ae,-a	500	по пятисот

Приведенный список намеренно не полон, ибо в этом нет необходимости: модель образования этих форм вычленяется легко и позволяет расширять таблицу до каких угодно размеров.

Второй класс числительных уместно назвать *кумулятивно-кратным*, так как его составляющие отвечают на вопрос “сколько раз?”.

2. *Кумулятивно-кратные числительные в латинском языке*

bis	2	дважды, два раза
ter	3	трижды, три раза; не раз, много раз
quater	4	четырежды, четыре раза
quinquien(s)	5	пять раз
sexie(n)s	6	шесть раз
sexto	6	шесть раз; на шестой день
septies	7	семь раз
octies	8	восемь раз
decie(n)s	10	десять раз
undecies	11	одиннадцать раз
duodecies	12	двенадцать раз
tredecies	13	тринадцать раз
terdecies	13	тринадцать раз
viciens	20	двадцать раз
tricies	30	тридцать раз
quadragie(n)s	40	сорок раз
quingage(n)s	50	пятьдесят раз
trecentie(n)s	300	триста раз
quingentie(n)s	500	пятьсот раз
sexcentie(n)s	600	шестьсот раз
septingenties	700	семьсот раз
milies	1000	тысячу раз; несчетное число раз

Третий класс латинских числительных может быть назван *адъективно-кратной*, поскольку его составляющие отвечают на вопрос “в который раз?”.

3. *Адъективно-кратные числительные в латинском языке*

primo	1	впервые; в первый раз; во-первых
secundo	2	во второй раз; во-вторых; дважды
tertio	3	в третий раз, в-третьих
tertium	3	в третий раз
quinto	5	в пятый раз; в-пятых
quintum	5	в пятый раз
sextum	6	в шестой раз
septimum	7	в седьмой раз
septimo	7	в седьмой раз
octavum	8	в восьмой раз; в-восьмых

Выделенные классы свидетельствуют о том, что способ группирования (количественный охват) объектов действия и кратность совершаемого действия в латинском языке обладали высокой коммуникативной ценностью, что и явилось в конечном счете причиной формирования данных классов.

Об особой отмеченности дихотомии в латинском языковом мышлении свидетельствует беспрецедентная проработка бинарных отношений в латинском словаре, в чем легко убедиться на примере следующей группы слов:

alter, altera, alterum	— <i>другой из двух</i>
alteruter, -utra, -utrum	— <i>один из двух</i> , тот или другой; любой из двух
ambo, -ae, -o	— <i>оба из двух</i>
uter, utra, utrum	— <i>которой из двух</i> , кто из двух; <i>который-нибудь из двух</i> ; либо тот, либо другой
uterque, utraque, utrumque	— <i>каждый из двух</i> , и тот, и другой
prior, prius	— <i>первый из двух</i> : передний, ближайший; прежний; старший; вышестоящий, лучший.

По существу, перед нами своеобразная *парадигма бинарности*, в которой исчислены все коммуникативно актуальные и почти все теоретически возможные комбинации.

Исследование количественных слов и их морфолого-синтаксических разрядов в романских языках должно стать темой отдельного монографического исследования. В отечественной лингвистике позицию, сходную с нашей, занимает В. Г. Гак, еще в 1988 г. писавший: “В трактовке этой трансляции [трансляции названий чисел из “субкатегории количественных прилагательных в субкатегорию порядковых прилагательных”. — В. Т.] Теньер исходит из классификаций традиционной французской грамматики, относящей числительные — и количественные, и порядковые — к классу прилагательных. Поэтому он считает ее субкатегориальной. Но если в количественном числительном видеть особую, отдельную от прилагательного часть речи (а для этого есть основания) [выделено мной. — В. Т.], то переход количественных числительных в прилагательные следовало бы считать межкатегориальной трансляцией”¹¹.

Впоследствии В. Г. Гак реализовал эту идею в “Теоретической грамматике французского языка”: “По своим синтаксическим

(дистрибутивным) и морфологическим признакам количественные числительные не похожи ни на детерминативы, ни на прилагательные, ни на существительные и должны быть выделены в особую часть речи^{2а}. Надо сказать, что отечественные лингвисты склонны выделять французские числительные в особую часть речи, тогда как французские продолжают отказывать числительным в статусе самостоятельной части речи¹³.

Данное, частное — в масштабах мировой лингвистики — обстоятельство, позволяет тем не менее поставить серьезный теоретический вопрос, имеющий общелингвистическое значение. Это вопрос о частях речи. Ни в коей мере не претендуя ни на освещение этого вопроса, ни на анализ всего спектра мнений по данному вопросу, что увело бы нас далеко от темы исследования, мы хотим тем не менее высказаться а priori по этому вопросу.

Тезис первый. *Части речи являются “вечной темой” лингвистики лишь потому, что их не существует,*

Реально представлены морфологические (формальные) классы слов. Но представители фортунаатовской школы убедительно показали, что морфологические классы не тождественны частям речи. Кроме того, морфологические классы имеются лишь во флективных языках. Если — даже игнорируя языковую интуицию — отождествлять морфологические классы с частями речи, следует признать, что в одних языках части речи есть, а в других их нет. Следовательно, части речи — это не морфологические классы слов.

Реально представлены синтаксические классы слов. Синтаксические функции есть во всех языках мира. Но одно и то же слово может выполнять разные синтаксические функции:

(1) We kept no idle servants, *our table was plain and simple*, our furniture of the cheapest. [The Autobiography Of Benjamin Franklin With Introduction And Notes Edited By Charles W. Eliot Lid P. F. Collier & Son Company. New York (1909)].

(2) ...the prisoner's servant... examined his master's **table-drawers**... [Charles Dickens. A Tale of Two Cities. Book 2, ch. III].

(3) To **table** a card (= To place a card on a table) [The Random House College Dictionary, 1984. P. 1336].

В (1) слово выполняет синтаксическую функцию субъекта (подлежащего), в (2) — атрибута (определения), в (3) — предиката (сказуемого).

Аналогичный пример можно привести из китайского языка:

женминь чжунго “народный Китай”, *чжунго женминь* “китайский народ”.

Во всех случаях функция одного и того же слова обусловлена синтаксической позицией и, следовательно, не является характеристикой самого слова. Таким образом, части речи — это и не члены предложения, характеризующиеся синтаксической функцией (ролью) слова в предложении.

Третий ответ, который дается на вопрос “что такое части речи?”, это — некое семантическое тождество слов высокой степени абстракции. При таком ответе части речи начинают подозрительно походить на то, чем они и были с самого начала их выделения, а именно — на логические категории (предмета, признака, процесса и т.д.). Достоинство этого подхода в его универсальности — мышление свойственно всем народам, законы мышления универсальны, значит, логические категории заведомо можно обнаружить во всех языках. Так мы возвращаемся к наивному отождествлению языка и мышления, естественному для древних греков, простительному для авторов грамматики “Пор-Рояль”, но совершенно неприемлемому в начале XXI в. Во-первых, надо не забывать, что логика — наука о мышлении, а лингвистика — наука о языке, и если мы занимаемся лингвистикой и исследуем части речи как лингвистическую категорию, мы должны найти ее в рамках самой науки о языке. Во-вторых, и такой подход также мало что дает: *Больной вопрос лучше не затрагивать* (признак). *Больной лежал в коридоре* (предмет). Он — *больной* (предикат: состояние как разновидность стабильного процесса).

В. В. Виноградов предложил эклектическое *как-бы-решение* проблемы: определять части речи по трем основаниям: морфологическому, синтаксическому и семантическому. Применительно к нефлективным языкам это означает применение двух оснований: синтаксического и семантического. На деле это оказывается своеобразной индульгенцией лингвистам на нарушение законов научного мышления: когда разные основания приходят в противоречие, можно пользоваться одним основанием, игнорируя другое (другие).

В 1924 г. мудрый Л. В. Щерба был, по его собственным словам, “счастлив” присоединиться — за неимением теоретического — к практическому предложению Отто Есперсена, сделанному последним в его книге “Философия грамматики”: “При обучении элементарной грамматике я бы не начинал с определения отдельных частей речи, особенно с обыкновенных опре-

делений, которые так мало говорят, хотя и кажется, что они говорят много. Я поступил бы более практически. Несомненно, что при обучении грамматике человек узнает одно слово, как прилагательное, другое, как глагол, не справляясь с определением частей речи, а тем же в сущности способом, каким он узнает в том или другом животном корову или кошку. И дети могли бы этому выучиться так же, как они выучились различать обычных животных, т.е. практически: им следует показать достаточное количество образцов и обратить их внимание на их различия. Я взял бы для этого небольшой связный текст, например какой-нибудь рассказ, и повторил бы его несколько раз, причем сначала напечатал бы курсивом все существительные. После того как они будут таким образом выделены и вкратце обсуждены с детьми, эти последние, вероятно, без больших затруднений узнали бы аналогичные существительные во всяком другом отрывке. Потом я повторил бы тот же самый рассказ, напечатав курсивом все прилагательные. Проходя таким образом различные классы слов, ученики понемногу приобретут тот “грамматический инстинкт”, который необходим для дальнейших уроков по морфологии и синтаксису как родного, так и иностранных языков”^{1а}.

Несмотря на широкую известность данного фрагмента, мы считали необходимым привести его целиком, поскольку он содержит несколько принципиальных и, так сказать, “недообсуждённых” моментов.

Во-первых, речь идет об **“обучении элементарной грамматике”**, а не о теоретическом решении лингвистической проблемы частей речи.

Во-вторых, в этом отрывке говорится о низшем — бытовом — уровне познания слов и животных. То есть, по существу, обсуждается не теоретическая, а методическая проблема — *как лучше объяснить детям*, что такое существительное, прилагательное, глагол и т.д.

В-третьих, тут возникает вопрос: “А откуда у человека знание, что части речи вообще существуют и какие именно?”. Если не принимать абсурдной идеи Н. Хомского о врожденном знании языка (по-видимому, вместе с его грамматикой?), то круг замыкается: эти знания — от лингвистов. В приведенном отрывке прямо сказано, откуда дети получают знание о частях речи. Они получают его от другого человека — учителя, методиста, автора учебника, который — исходя из своего понимания частей речи — выделяет в тексте курсивом существительные, прилага-

тельные и т.д. Вопрос же, откуда эти знания у учителя, остается открытым.

И, наконец, в-четвертых, в этом отрывке мимоходом обретен ключ к решению проблемы частей речи. Этот ключ — в сравнении слов с животными, а значит — лингвистической систематики с биологической.

Есть все основания воспользоваться многовековым опытом биологии в систематизации биологических видов при решении задач лингвистической систематики. В результате “ошибок трудных” биология пришла к выводу, что основанием для биологической систематики является не форма живых организмов, не среда их обитания, не занимаемая ими экологическая ниша (своего рода аналог синтаксической позиции), а набор генов — генетическая информация, не видимая глазом, но говорящая самое существенное об организме как представителе вида. Биология установила, что особи, неотличимые на глаз, могут относиться к разным видам, а представители ближайших видов — различаться внешне настолько, что никакая интуиция не помогла бы заподозрить их в генетическом родстве.

Совершенно очевидно, что интуиция может помочь лишь в и без того ясных и очевидных случаях. В сложных же и спорных случаях она “буксует” или подводит.

Однако вернемся к французским числительным. Французские лингвисты, как можно заметить, ориентируются на формальные (морфологические и синтаксические) признаки и, естественно, не обнаруживают у числительных никакой специфики: порядковые числительные ведут себя как прилагательные; количественные — как детерминативы, прилагательные и существительные. Позиция В. Г. Гака отличается от позиции французских лингвистов, по существу, лишь тем, что они ищут специфический признак для части речи, а В. Г. Гак — специфическую комбинацию признаков разных частей речи. По-видимому, употребление числительных без артикля (*deux et deux font quatre*) французские лингвисты не считают специфическим признаком числительных. И для этого у них есть основания: при известных обстоятельствах и существительные могут употребляться без артикля.

Отнесение же В. Г. Гаком порядковых числительных к прилагательным свидетельствует о том, что в “общем значении числа”, объединяющем количественные и порядковые числительные, ученый, как и его французские коллеги, не видит основания для выделения части речи^{2а}.

Выход из тупика указал Ю. Р. Курилович, предложив раз-

личать первичные и вторичные функции единиц языка. И хотя основания их различения подлежат дальнейшему исследованию, не стоит сомневаться в продуктивности данной идеи применительно к проблеме частей речи. Если части речи — реальность языка, а не фикция, у них должна быть собственная функция — не морфологическая, не синтаксическая, не лексико-семантическая, а какая-то еще.

Показательно, что именно местоимения, числительные, частицы и другие служебные слова упорно подталкивают исследователей к осознанию специфики этой функции. Для местоимений — это дейксис, для числительных — количество, для частиц... впрочем не будем забегать вперед. Частицы — отдельная тема (см. ниже).

Идея Ю. Р. Куриловича нашла развитие в трудах В. Г. Руделёва, чья строгая, глубокая и продуктивная теория частей речи заслуживает самого пристального внимания как в целом, так и в части, относящейся к числительным: “Обычно различают количественные числительные и порядковые... В действительности, у числительных лишь один класс — **к о л и ч е с т в е н н ы е ч и с л и т е л ь н ы е**. Порядковые числительные — лишь *адъективные* формы количественных числительных, но не самостоятельный класс. Есть у числительных и *субстантивные* формы (сем-ер-о ® сем-ёр-к-а). <...> Есть у числительных и *наречные* [курсив мой. — В.Т.] формы... **дважды, трижды, четырежды...**”¹⁴. У каждой части речи В. Г. Руделёв различает начальные, собственные формы и несобственные, позиционно обусловленные “мимикрические” формы: “Прилагательное в позиции подлежащего смешивается (нейтрализуется) с существительным, приобретает мимикрическую субстантивную форму” (молодой — молодость, юный — юность, чистый — чистота, белый — белизна, здоровый — здоровье)^{14а}. “Слова **весело, грустно, темно, уютно**, а также **по-свински, по-человечески**, даже **порусски, по-английски** и т.п. — не наречия, а наречные формы прилагательных **веселый, грустней, темный, уютный, русский, английский**”^{14б}. У глагола **уходить** в позиции подлежащего есть субстантивная мимикрическая форма (**уход**), в позиции определения — адъективная мимикрическая форма (причастие — **уходящий**), в позиции обстоятельства — наречная мимикрическая форма (депричастие — **уходя**)^{14в}.

В. Г. Руделёв выделяет в русском языке всего 5 частей речи: прилагательное, глагол, числительное, наречие, существительное, обнаруживая у каждой из них глубинное собственно линг-

вистическое значение: *признаковость* — у прилагательного, *признаковость и процессность* — у глагола, *количественность* — у числительного, *пространство и время* — у наречия и “то, что остается за вычетом слов, обозначающих **признаки** (в том числе и действия), **количество (число), пространство** и время^{14г}.”

Свою задачу мы видим в том, чтобы поставить проблему, обратить внимание романистов на то, что отсутствие категории числительных даже в самых авторитетных грамматиках романских языков не означает отсутствия лингвистической проблемы и тем более не свидетельствует об отсутствии потребности в научном исследовании и монографическом описании романских числительных.

В целях самого предварительного выявления и квантитативно-го описания числительных в современных романских языках мы указываем число минимально необходимых количественных и порядковых числительных (для первых двух десятков, сотен, тысячи и миллиона) (рис. 4).

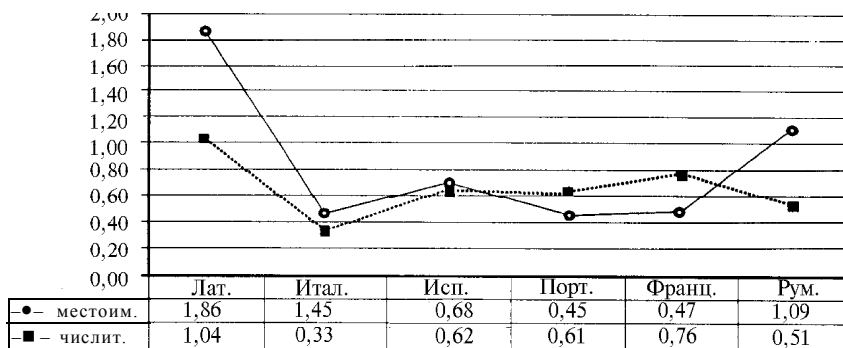

Рис. 4. Местоимения и числительные в романских языках

Как видно из рис. 4, по сравнению с латинским языком произошло некоторое уменьшение доли местоимений и числительных. Все современные языки дают довольно близкие значения. Отклонение доли румынских (и отчасти — испанских) местоимений в большую сторону можно также трактовать как сохранение свойств языка-предка на периферии романского мира.

Данные по числительным свидетельствуют об уменьшении доли числительных в современных романских языках по сравнению с латинским и стабилизации этой величины в интервале 0,35—0,75 %. В русском языке эта величина по меньшей мере в три раза ниже.

Следует также отметить, что в латинском языке местоимений почти в два раза больше, чем числительных. Из современных языков такое наблюдается лишь в румынском, тогда как в остальных языках доли местоимений и числительных в словаре очень близки.

Во второй части нашего исследования мы обратимся к анализу служебных частей речи в романских языках.

---

¹ *Щерба О. В.* Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 66.

^{1а} С. 83—84.

² *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000. С. 449—450.

^{2а} С. 230.

³ Обратный словарь русского языка. Около 125000 слов. М., 1974. С. 941, 944.

^{3а} С. 944.

⁴ См.: *Тулдава Ю.* Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. Таллинн: Валгус, 1987. С. 59—60.

⁵ См.: *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков: Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат // Новое в лингвистике / Сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звягинцев. М.: Наука, 1963. Вып. 3. С. 74.

⁶ Цит. по: *Мельников Г. П.* Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадиальной: курс лекций. М.: Изд-во РУДН, 2000. С. 29.

⁷ *Георгиев В. К.* К вопросу о Балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Вып. VI: Языковые контакты / Сост., ред., вступ. ст. и коммент. В. Ю. Розенцвейга. М.: Прогресс, 1972. С. 408—409.

⁸ См. например: *Трубецкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Берлин, 1923. Т. 3; *Trubetzkoy N. S.* Phonologie und Sprachgeografie // TCLP. 1931. Vol. 4; *Якобсон Р. О.* К характеристике евразийского языкового союза // Selected writing. I. Phonological studies. S-Jravenhague, 1962; *Цивьян Т. В.* Имя существительное в балканских языках. М., 1965. *Десницкая А. В.* Реконструкция элементов древне-албанского языка и общепалканские лингвистические проблемы. М., 1966; *Габинский М. А.* Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс. Л., 1967; *Цыхун Г. А.* Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках. Минск, 1968; *Гагранек Б. К.* К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М., 1972; *Петрович Э.* Унаследованное и приобретенное подиноязычным влиянием в фонетическом и фонологическом развитии румынского языка // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М., 1972; Балканский лингвистический сборник. М., 1977; *Sandfield Kr.* Linguistique balkanique. Probleme et resultants. Paris, 1930; *Idem.* Balkanfilologien. Kbh, 1926; *Shaller H. W.* Die Balkansprachen. Heidelberg, 1975; *Haarmann H.* Balkanlinguistik. Tübingen, 1978; *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000.